

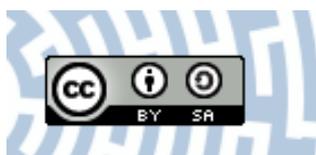

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Особенности передачи модусных рамок (на примере романа Людмилы Петрушевской *Номер Один, или В садах других возможностей* и его польского перевода)

Author: Monika Ćmiel

Citation style: Ćmiel Monika. (2020). Особенности передачи модусных рамок (на примере романа Людмилы Петрушевской *Номер Один, или В садах других возможностей* и его польского перевода). W: J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (red.), "Przestrzenie przekładu. T. 4" (S. 211-222). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

Моника Чмель

Силезский университет в Катовице

Особенности передачи модусных рамок (на примере романа Людмилы Петрушевской *Номер Один, или В садах других возможностей* и его польского перевода)

Концепция соединения в высказывании субъективных и объективных смыслов связана со швейцарским лингвистом Шарлем Балли, который для обозначения данных компонентов предложил термины *модус* и *диктум*¹. Представление о взаимосвязи объективного значения, отражающего действительность (диктум), и субъективного, в котором преломляется отношение к ней мыслящего субъекта (модус), существенно повлияло на понимание модальности в языке. Идея Ш. Балли послужила фундаментом для многих работ по вопросу двухуровневой конструкции предложения и позволила учёным расширить представление о его языковой структуре. Поскольку модус изучен в меньшей степени, чем диктум, он неизменно пользуется интересом среди лингвистов, отношение которых к этому вопросу отличается разнообразием.

Среди научных трудов по модусной части высказывания есть ряд исследований, посвящённых разработке классификации модусов. Широко известна типология Надежды К. Онипенко, предметом изучения которой стал вербализованный модус, т.е. модусная рамка. Учёная выделила пять типов модусных рамок, соотносимых с коммуникативными регистра-

---

¹ Ш. Балли: *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва 1955, с. 43–45.

ми: перцептивную, ментальную, волеизъявительную, реактивную, речевую². Анализируя текстовый материал, мы будем опираться на представленную классификацию. Вместе с тем внимания заслуживает типология модусов Нины Д. Арутюновой, в которой выделяются четыре их вида: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный и волеизъявительный (волеизъявительный). Особенностью этого разграничения является отсутствие в нём глаголов речи³.

В настоящей статье проанализируем специфику перевода модусных рамок (эксплицитного, словесно выраженного модуса) с русского языка на польский язык. Мы сосредоточимся не на точном переводе модусных рамок (который преобладает), а на тех примерах модусных рамок, которые посредством перевода по структуре или значению расходятся с исходным текстом. Особое внимание будет уделено таким элементам модусных рамок, как субъект и предикат. Мы постараемся проследить, каким образом перевод может повлиять на характеристику и значение модусной рамки, а также на её структуру. Кроме того, нами будут рассмотрены добавочные компоненты модусных рамок польского перевода и их функции. Материалом для исследования послужит роман Людмилы Петрушевской *Номер Один, или В садах других возможностей*, а также польский текст в переводе Ежи Чеха⁴.

При изучении модусных рамок в русском языке и их эквивалентов на польском языке особый интерес представляют случаи перехода одного типа модусной рамки в другой тип. Приведём отдельные примеры:

Я говорю, им нельзя пить, они кормят детей⁵ (с. 38).

Ja przekonuję, że one nie powinny pić, bo karmią dzieci⁶ (с. 29).

Вышеуказанный пример в русском варианте представляет речевую модусную рамку с глаголом речи – *я говорю*. В польском переводе в модусной рамке употреблён глагол речевой деятельности *przekonywać*, вследствие чего обнаруживается дополнительная интенция высказывания говорящего. Таким образом, в польском тексте модусная рамка является не только речевой – ей присущ ещё оттенок волеизъявления, выраженного посредством

² Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 2004, с. 280.

³ Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва 1999, с. 411.

⁴ В дальнейшей части работы модусные рамки в предложениях будут выделены жирным шрифтом.

⁵ Л. Петрушевская: *Номер Один, или В садах других возможностей*. Москва 2006. Все примеры на русском языке приводятся по этому изданию.

⁶ L. PIETRUSZEWSKA: *Numer Jeden albo W ogrodach innych wariantów*. Przeł. J. CZECH. Warszawa 2010. Все примеры на польском языке почерпнуты из этой книги.

речевого акта убеждения. В отличие от бессюжно оформленной модусной рамки в русском языке, в переводе она соединена с диктумной частью предложения подчинительным союзом *что*. Это не обособленный случай такого переводческого приёма, так как в ходе анализа мы обнаружили больше подобных примеров. Это позволяет сделать вывод о том, что при отсутствии подчинительного союза в модусной рамке в предложении на русском языке в польском переводе чаще всего появляется подчинительный союз.

В переводе данной модусной рамки прослеживается её добавочный оттенок по отношению к оригиналу. Ниже приведём примеры перевода модусных рамок, когда, наоборот, модусная рамка на польском языке утратила двойной характер. Ср.:

Нет, **не хочется** тебе **верить**, я уже чувствую (с. 43).

Nie, **nie wierzę**, czuję, że to nieprawda (с. 34).

Модусная рамка, выделенная жирным шрифтом, в русском тексте представлена в форме внутрисинтаксической модальности двумя глаголами: *не хотеться* и *не верить*. Первый из них принадлежит к средствам выражения волюнтивных модусных рамок, а второй возможен в реактивных и ментальных модусных рамках. Таким образом, в данном случае можно говорить о типе реактивно-волюнтивной модусной рамки. В свою очередь, в переводе на польский язык глагол *не хотеться* пропущен, а употреблён только один глагол – *nie wierzyć* (русск. *не верить*), который обозначает отношение говорящего к чужому высказыванию как неистинному. Здесь отсутствует оттенок волеизъявления, в связи с чем мы имеем дело лишь с реактивной модусной рамкой. Важно отметить, что данные модусные рамки отличаются друг от друга не только грамматической структурой, но также степенью убеждения говорящего в чужих словах. Модусная рамка в польском тексте допускает всего лишь ложность чужой информации. Однако реактивно-волюнтивная рамка в исходном тексте не выражает исключительно положительное или отрицательное отношение к определённой части действительности, поскольку говорящий субъект не то что не верит, а, скорее всего, выражает сомнение.

Вместе с тем особый интерес представляет фрагмент в польском тексте *czuję, że to nieprawda*. Здесь выделяется последовательная модусная рамка – *czuję, że* – и её диктумное дополнение – *to nieprawda*. Данная модусная рамка, в зависимости от прочтения её смысла, может иметь двойной характер (ментальный или реактивный). Во-первых, можно принять, что глагол *czuć* выступает в ментальном значении, и модусная рамка вместе с диктумом представляет отношение говорящего к чужим словам. Во-вторых, глагол *czuć* может иметь реактивный характер и образовать модусную рамку, содержащую реакцию говорящего на свои предыдущие

слова, их оправдание: *nie wierzę*. В русском варианте анализируемого отрывка выступает фраза *я уже чувствую*, которая, как нам кажется, образует ментальную модусную рамку. Однако в этом случае модусная рамка даётся без присутствия вербализованного диктума.

Рассмотрим следующий пример:

А что **ты** мне **внушал**, что у тебя есть видеокассета с записью казни? (с. 59).

А co **ty** mi przedtem **opowiadaleś**, że masz kasetę ze sfilmowaną egzekucją? (с. 47).

В исходной версии глагол речевой деятельности *внушать* имеет оттенок волеизъявления⁷. Из этого можно заключить, что в русском варианте используется волюнтивно-речевая модусная рамка. Польский эквивалент модусной рамки звучит *opowiadać*. По отношению к русскому глаголу *внушать* он представляется более нейтральным (имеет меньшую интенсивность проявления воли) и образует речевую модусную рамку.

Ниже проанализируем пример перевода модусной рамки, посредством которого она не только утратила двойной характер, как это было показано в предыдущих примерах, а полностью поменяла тип:

Насчет чучун **милиция** мне **ответила**, что обещают разобраться. Случай людоедства (с. 47).

Co do Czuczunów, **milicjanci obiecali**, że sprawdzą, skoro w grę wchodzi ludożerstwo (с. 37).

В русском тексте появляется тип реактивно-речевой модусной рамки (*милиция ответила, что*), так как глагол *ответить* указывает на форму реакции, а также обозначает речевое действие. В польском переводе представлен волюнтивный тип модусной рамки, включающий обещание (*milicjanci obiecali, że*), в то время как в исходной версии *обещание* входит в состав диктумной части предложения. Таким образом, диктум предложения на русском языке при переводе преобразовался в модусную рамку на польском языке.

Необходимо подчеркнуть, что именно перевод показывает, какое влияние на интерпретацию смысла высказываний иногда оказывают разные нюансы. Подтвердим это примером, в котором польский вариант модусной рамки лучше вписывается в тип реактивных модусных рамок в качестве истинностной оценки, хотя перевод мог бы соответствовать исходному варианту, то есть включать волюнтивную модусную рамку. Ср.:

⁷ <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3440> [доступ: 23.05.2018].

Знаете, **не надо** обманывать (с. 269).

Wie pan, **nie warto** oszukiwać (с. 216).

На прочтение смысла модусных рамок сильно влияют субъективные факторы, языковое чутьё, интуиция и др. В связи с этим, безусловно, попытка отнести определённую модусную рамку только к одному из пяти типов иногда является нелёгкой задачей.

При анализе текста в поле зрения попадают модусные рамки на русском языке, которые в переводе на польский язык не сохранили рамочной позиции. Приведём отдельные примеры:

Юра сидит в яме у людоедов, **явно** на куртке следы грязи как валялся в воде, с него снимут шкуру, знаешь такое слово, ошкурят (с. 143).

Jura siedzi w jamie u ludożerców, na kurtce wyraźne ślady błota, bo tapłał się w wodzie, zedrą z niego skórę, znasz takie słowo, oskórują (с. 116, 117).

Перцептивная модусная рамка в русском языке реализуется здесь за счёт предикативного наречия *явно*. В польском переводе модусная рамка отсутствует, поскольку выражению *явно* соответствует форма прилагательного (*wyraźne*), и тем самым его рамочная позиция заменена.

В следующем примере отмечаем наличие волюнтивной модусной рамки только в исходной версии текста – *Я хотела чтобы*. В польском варианте предложения модусная рамка отсутствует, поскольку волеизъявительный глагол *хотеть* пропущен. Интересным здесь является также содержание диктумной части предложения на русском языке. Диктум, связанный с модусной рамкой подчинительным союзом *чтобы*, представлен неполной частью сложноподчинённого предложения, от которой в тексте эксплицитно выражено лишь рематическое квантитативное определение *все*. При этом вопросительная конструкция *понимаешь? / rozumiesz?*, которая выступает здесь тоже как волюнтивная модусная рамка, обнаруживает цель говорящего – получение определённого знания:

Я вообще когда ты ушел стала собирать все твои вещи, **хотела чтобы** все, понимаешь? (с. 242).

W ogóle, kiedy wyjechałeś, zaczęłam zbierać wszystkie twoje rzeczy, wszystkie, rozumiesz? (с. 195).

При рассмотрении проблематики модусов внимание обращается также на их структуру. Ещё Ш. Балли отметил, что модус, являющийся главной частью предложения, образуют *модальный глагол* и *модальный субъект*. Кроме того, лингвист подчеркнул роль в предложении соединительного слова *что*, которое связывает модус и диктум, а также с помощью которого

диктум превращается в объектное дополнение модуса. Смыслы, присутствующие в предложении, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Наличие диктума провоцирует высказывание, является основой для модуса⁸.

В своих исследованиях мы приняли, что типичными элементами чаще всего встречаемой модусной рамки являются субъект, предикат, а также соединительное слово (обычно подчинительный союз), которое соединяет предикат с диктумной частью предложения. Исходя из данного положения, в ходе анализа мы учли данные компоненты и нашли представляющие большой интерес способы их перевода. Ср.:

Никакого результата. **Испугался**. Что это? Что со мной? (с. 226).

Żadnego efektu. **Przestraszył się**. Cóż to? Co jest ze mną? (с. 182).

В переводе этого фрагмента поменялся субъект реактивной модусной рамки. Из контекста русского отрывка очевидно, что говорящий субъект одновременно является субъектом реакции (сознания). В связи с этим в польском переводе, по нашему мнению, более подходящей была бы форма 1-го лица единственного числа, а не 2-го лица. Возможно, что такой выбор отражает такое поведение говорящего, когда он оценивает своё эмоциональное состояние со стороны. Однако не исключена здесь переводческая ошибка.

Пожоую ситуацию, обнаруживающую трудности для перевода в определении субъекта сознания модусной рамки, можно заметить в следующем примере:

Посмотрел на него, поднял ему голову. Почему-то **было ощущение, что** в нем тлеет какое-то подобие жизни (с. 186).

Poparzył na niego, podniósł głowę trupa. Nie wiadomo czemu **miał wrażenie, że** w tamtym tli się coś na kształt życia (с. 150).

В русском тексте предложение, содержащее анализируемую модусную рамку, является безличным, т.е. в нём нет прямого указания на носителя признака. Субъект модусной рамки (сознания) определяется, скорее всего, предыдущим высказыванием: *Посмотрел на него, поднял ему голову*. Для того чтобы ответить на вопрос, является ли говорящий одновременно субъектом сознания или же субъектом сознания выступает кто-то другой, необходимо определить грамматический субъект. В предложении на русском языке грамматический субъект непосредственно не назван, так как глаголы в прошедшем времени не обладают грамматической категорией лица. В этом случае он может выступать либо в форме 1-го лица, либо

⁸ Ш. Балли: *Общая лингвистика...*, с. 43–47.

2-го лица единственного числа. Соответственно, субъектом сознания модусной рамки может быть как говорящий, так и другой субъект, о котором рассказывает говорящий. Здесь возникает следующий вопрос: кто является говорящим – рассказчик или герой произведения? Решить эту проблему довольно сложно, так как в данном отрывке оригинала граница между главным героем – *Номером Один* – и рассказчиком размыта. Не совсем понятно, кто является автором данного предложения: независимый рассказчик, главный герой или субъект, в котором соединено сознание главного героя и рассказчика.

В свою очередь, в польском тексте ситуация выглядит немного по-другому. В переводе первого предложения, *Popatrzył na niego, podniósł głowę trupa*, определено лицо грамматического субъекта (2-ое лицо единственного числа). При этом второе предложение становится личным предложением. Следовательно, субъектом модусной рамки *miał wrażenie, że* является главный герой произведения, а говорящим субъектом, как нам кажется, рассказчик. Если в русском тексте граница между рассказчиком и героем произведения размывается, то в польской версии она более ощутима. Оказывается, что несмотря на различия в переводе, модусные рамки в обоих языках, возможно, принадлежат тому же субъекту сознания. Разница, по всей вероятности, заключается в говорящем субъекте.

Проведённый анализ также показал, что перевод иногда не свободен от переводческих ошибок. Ср.:

Любой ребенок, родившийся у супружеской пары, **считается** сыном мужу матери (с. 26).

Każde **dziecko**, które urodzi się parze małżeńskiej, **uważa** męża matki za ojca (с. 20).

Здесь в ментальной модусной рамке в русском языке появляется обобщённый субъект, выраженный авторизирующим глаголом *считаться* при отсутствии субъектно-авторизирующей синтаксемы. Данная конструкция отражает эксклюзивное (исключающее говорящего) общее мнение⁹. В случае квалификативной диктумной части, т.е. модели отнесённости к понятийному классу, такая конструкция имеет два переводческих эквивалента: *Uważa się, że X (to) A* или *X uważany jest za A*. Однако польский перевод выглядит иным образом. Здесь субъект ментальной модусной рамки заменён. Данным субъектом выступает *dziecko*, т.е. тот *ребенок*, который в модусной рамке на русском языке является частью диктума.

⁹ Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика...*, с. 286.

Анализ материала позволил нам также обнаружить интересные приёмы перевода предикатов модусных рамок. В поле зрения попадают такие формы перевода, посредством которого глагольная конструкция предиката модусной рамки в исходном тексте превращается в безглагольную. Ср.:

Потом пошел в милицию, заявил, что есть труп и пропал мой участник экспедиции, **они** же мне **сообщают**, что это известно, [...] (с. 41).

Potem poszedłem na milicję, zameldowałem, że jest trup i że przepadł gdzieś uczestnik mojej ekspedycji, a **oni na to, że** wiedzą, [...] (с. 32).

В приведённом выше отрывке появляется несколько модусных рамок, однако мы подробнее остановимся на примере речевой модусной рамки *они сообщают, что / oni na to, że*. В русском предложении выступает модусная рамка, содержащая глагол *сообщать*, которой в польском переводе соответствует безглагольная рамка: *oni na to, że*. Несмотря на то, что в польском переводе отсутствует глагольная конструкция, данное выражение остаётся модусной рамкой, так как оно включает в себе значение речевого действия. При этом в её состав входит подчинительный союз *że* (русск. *что*) – один из характерных показателей модусной рамки, который в данном случае подчёркивает именно речевое, а не другое действие, например, перцептивное или умственное. Наряду с этим польская конструкция отличается также признаком реактивности, как ответное речевое действие.

Противоположную ситуацию – где в оригинале предикат не содержит глагола, а появляется в переводе – можно заметить в следующих примерах модусных рамок и их переводе:

Ну это **я так** (с. 38).

Eee, **tak tylko powiedziałem** (с. 30).

Выражение в русском предложении, обозначенное жирным шрифтом, можно рассматривать как относящееся к процессу говорения (в значении ‘говорить’) лишь при наличии контекста. В связи с тем, что контекст в произведении действительно указывал на речевую деятельность, можно обосновать наличие глагола *powiedziałem* (русск. *я сказал*) в польском варианте. Кроме того, мы знаем из контекста, что речь идёт о конкретном предыдущем высказывании, и тем самым имеем дело с определённой реакцией. Следовательно, модусная рамка представляет собой реактивно-речевую модусную рамку как в русском, так и в польском языках.

Особый интерес представляют модусные рамки, содержащие в переводе анафорический или катафорический компонент. Покажем это на отдельных примерах:

Я был против, чтобы он ехал с тобой в экспедицию (с. 30).

Byłem przeciwku temu, żeby jechał z tobą na ekspedycję (с. 23).

Как в русской, так и в польской версии прослеживается реактивная модусная рамка, однако она дополняется некоторым оттенком волеизъявления. Говорящий, по нашему мнению, вместе с реакцией выражает своё нежелание относительно *поездки в экспедицию*. Можно предположить, что идея поездки была известна говорящему до этого высказывания. Следовательно, выражение неодобрения является реактивным комментарием к названной в диктуме ситуации. В свою очередь, элемент *być przeciw*, т.е. ‘не хотеть, чтобы что-то совершилось’, указывает на волеизъявление. Таким образом, учитывая как элемент реакции, так и изъявление воли, данная рамка представляет собой реактивно-волеизъявительный тип. Польский эквивалент модусной рамки содержит добавочное местоимение *temu*. Его значение обнаруживается в дальнейшей части предложения, и тем самым он выступает в функции катафоры для выражения *jechał z tobą na ekspedycję* (ехал с тобой в экспедицию). Польский вариант, переведённый на русский язык дословно, выглядел бы так: *Я был против того, чтобы он ехал с тобой в экспедицию*. Это так называемый возмездительный тип придаточного предложения, более экспрессивный вариант, выделяющий смысл, который содержится в придаточной части¹⁰. С помощью катафоры говорящий дважды указывает на причину своей реакции сопротивления и как будто подчёркивает её.

Второй пример из этого круга – с тем же самым кратким прилагательным *przeciw*, но с анафорой:

Ты не хотел такого Юру брать с собой в экспедицию, **я сам был против** (с. 48).

Nie chciałeś tego Jury brać ze sobą na ekspedycję, **ja sam byłem temu przeciwny** (с. 38).

Данная модусная рамка реактивного типа (*я был против / ja byłem przeciwny*), в отличие от предыдущего примера выступает в конце предложения и не связана никаким грамматическим показателем с диктумной частью. Отсутствие грамматического показателя в приведённом примере позволяет выделить точки зрения двух субъектов. Одна является внешней точкой зрения (*ты не хотел / nie chciałeś*), другая – внутренней (*я был против / byłem przeciwny*). Кроме того, важно подчеркнуть наличие анафорического местоимения *temu* в польском переводе, которое относится к предшествующему выражению – *tego Jury brać na ekspedycję*.

¹⁰ Ibidem, с. 346.

В заключение проанализируем ещё один пример способа перевода модусной рамки:

И **ребенок** знает. **Что** надо всем помогать (с. 27).

Nawet **dziecko** to **wie**. **Że** trzeba wszystkim pomagać (с. 21).

Здесь замечаем последовательность двух модусных рамок: ментальной (с глаголом знания) и волюнтивной (с глаголом необходимости) в структуре внутрисинтаксической модальности. В данном случае волюнтивная модусная рамка переходит в позицию диктума ментальной модусной рамки (как в русском, так и в польском языке), поэтому мы сосредоточимся на той рамке, которая сохраняет рамочную позицию. В этом отрывке обращает на себя внимание также первое слово – *и*. Этот союз тоже входит в состав ментальной модусной рамки, поскольку он меняет оттенок модуса в сторону большего обобщения. Без этого добавления выражение *ребенок знает* остаётся более нейтральным сочетанием, чем в сопровождении союза *и*. В своей союзной функции он связывает смысл данного высказывания с предтекстом и одновременно придаёт предложению значение уверенности в необходимости обладать каким-то общепринятым знанием. Перевод практически полностью совпадает с предложением на русском языке. Разница связана с употреблением в переводе частицы *nawet*, чаще всего эквивалента русск. *даже*, в то время как в исходном предложении употреблен союз *и*. Модальная частица *nawet* вводит пресуппозицию меньшей вероятности, связанной со словом, перед которым она помещена (ср: *Nawet Kowalski rozwiązał to zadanie.*), чего нет в исходном тексте. В перевод введено также добавочное местоимение *to*, выполняющее функцию катафоры, конкретное значение которой выявляется в дальнейшей части высказывания (*trzeba wszystkim pomagać*). Следует подчеркнуть, что выражение *nawet dziecko to wie* в польском языке имеет устойчивый характер.

Подытоживая, отметим, что мы пытались показать привлекающие внимание способы перевода модусных рамок с русского языка на польский язык. Проведённое исследование позволило выявить способность перевода влиять на структуру и восприятие значения модусных рамок. Очевидно, что содержание исследуемого нами художественного текста, а также его внутренняя организация непосредственно влияют на специфику перевода выступающих в нём модусных рамок, в некоторых местах делая эту задачу усложнённой. Произведение Людмилы Петрушевской *Номер Один, или В садах других возможностей* – это мистический триллер, который полон невероятных событий, происходящих на грани сна и реальности, держащий читателя в тревожном ожидании. Роман по своей форме в некоторых местах напоминает пьесу. Кроме того, есть моменты, в которых заметно деление на диалоги героев и голос рассказчика. В свою очередь, в других

частях роман похож на монолог главного героя, в котором – возможно – преломляется комментарий рассказчика. Однако даже в этом нельзя быть до конца уверенным, так как часто граница между внутренней речью главного героя и комментарием возможного рассказчика размывается, становится менее чёткой.

В значительной степени проявляются в специфике перевода модусных рамок полуфантастический сюжет, включающий метемпсихоз (переселение душ в чужие тела), хаотичность повествования, а также диалоги, представляющие собой стилизацию живой разговорной речи.

Все эти особенности романа отражаются, среди прочего, в осложнении определения субъекта сознания и субъекта говорящего тех модусных рамок, в которых он не назван прямым образом. Если в русском тексте для данного приёма было использовано правило отсутствия грамматической категории лица глаголов прошедшего времени, то переводчику на польский язык пришлось столкнуться с попыткой определения субъекта сознания и отнесения его к говорящему субъекту.

Кроме своеобразного перевода проявлений субъекта некоторых модусных рамок обращает на себя внимание перевод других элементов модусной рамки, таких как предикат и союзное слово. Проведённый анализ позволил обнаружить способы перевода, посредством которых глагольная конструкция предиката модусной рамки в исходном тексте превращается в безглагольную или наоборот – предикат модусной рамки в русском языке без глагола в польском варианте включает его.

Мы также проанализировали то, каким образом обозначается в переводе подчинительный союз. Если в русском тексте подчинительный союз в большинстве случаев присутствует, то в польской версии он также появляется и переводится с помощью общепринятого эквивалента. Однако мы обнаружили в исходном тексте модусные рамки, сохраняющие свою позицию, без участия подчинительного союза. В этих случаях в польском переводе, как правило, вводится подчинительный союз.

В свою очередь, примеры влияния перевода на характеристику модусной рамки показывают, что в тексте перевода наблюдается переход одного типа модусной рамки в другой, а также возможное лишение её двойного оттенка. Кроме того, анализ модусных рамок позволил нам выявить случаи как несохранения рамочной позиции высказываний в польском переводе, так и включения добавочных компонентов – в зависимости от положения модусной рамки – катафору или анафору. С помощью катафорических и анафорических компонентов говорящий уточняет смысл содержания передаваемой им речи, а текст становится более экспрессивным.

В заключение нужно отметить, что перед переводчиком стояла нелёгкая задача перевести роман, специфика которого, как представляется, не всегда способствовала удачным переводческим решениям.

Monika Ćmiel

**Specyfika wyrażania ram modalnych w powieści Ludmiły Pietruszewskiej
Numer Jeden albo W ogrodach innych wariantów
i jej przekładzie na język polski**

Streszczenie

Celem artykułu jest analiza wybranych przykładów sposobu tłumaczenia ram modalnych z języka rosyjskiego na język polski w przekładzie Jerzego Czecha powieści Ludmiły Pietruszewskiej *Numer Jeden albo W ogrodach innych wariantów*. W artykule przeanalizowano w jaki sposób tłumaczenie może wpłynąć na strukturę i charakterystykę ramy modalnej. Szczególną uwagę zwrócono na podmiot i predykat ramy modalnej w tłumaczeniu.

Słowa kluczowe: rama modalna, konfrontacja rosyjsko-polska, podmiot, predykat

Monika Ćmiel

**The characteristics of expressing modus frames
(by the example of Lyudmila Petrushevskaya's novel *Number One,*
or In the Gardens of Other Possibilities and its Polish translation)**

Summary

The objective of article is to analyze more interesting examples of how to translate modus frames from Russian language into polish language in a translation by Jerzy Czech of the novel by Lyudmila Petrushevskaya *Number One, or In the Gardens of Other Possibilities*. The article analyzes how translation can affect the structure and characteristics of a modus frames. Particular attention was paid to the subject and predicate of the modus frames in translation.

Key words: modus frame, Russian-Polish comparison, subject, predicate